

Опыт изучения орнаментов на кисельницах из коллекции Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

М. П. Грачева

Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, Верхне-Волжская наб., 7

Для цитирования: Грачева М. П. 2022. Опыт изучения орнаментов на кисельницах из коллекции Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. *Вопросы музеологии* 13 (1): 97–109. <https://doi.org/10.21638/spbu27.2022.107>

В статье представлен опыт изучения одного из видов крестьянской глиняной посуды — кисельницы. В собрании НГИАМЗ находятся кисельницы XIX — начала XX в. с рельефными орнаментами, которые отпечатывались на готовом киселе. Это ритуальное блюдо подавалось в Нижегородском крае на поминках и на свадьбах, поэтому орнамент на кисельнице имеет особое значение. Исследователи из разных областей изучают орнамент как антропологический и культурно-исторический феномен и пришли к выводу, что он не только может указать на принадлежность предмета к определенному ритуалу, но и демонстрирует универсальную знаковую систему, принятую в том или ином социуме. И это особенно характерно для этнографических предметов. Уже написаны многочисленные труды по орнаментам на традиционной русской вышивке и резьбе по дереву, но глина в этом плане мало исследована. Однако кисельницы предоставляют широкие возможности, так как орнаменты на них очень разнообразны: геометрические, растительные, зооморфные. Автор рассмотрел восемь предметов с разной орнаментацией, разделил орнаменты на типы и через универсальные знаки, характерные для славянского язычества и отображенные в других видах русских ремесел, попытался раскрыть смысл орнамента и принадлежность его тому или иному ритуалу. Только такое глубокое изучение предмета позволит в дальнейшем лучше понять его культурно-историческое значение и тем самым расширить его экспозиционные возможности в музее. По-новому будет выстраиваться коммуникация с предметом: кисельницы могут транслировать информацию не только о быте, промыслах и эстетике наших предков, но и об их представлениях о мире и обрядах, следы которых встречаются и в современном обществе.

Ключевые слова: глиняная посуда, кисельница, орнамент, Нижегородский музей-заповедник.

Работа по исследованию музейного предмета как исторического источника ставит перед специалистами несколько важных задач: во-первых, как можно более полно проанализировать сам предмет, во-вторых, изучить обстоятельства его поступления в музей и сопутствующие документы, в-третьих, дополнить картину информацией из других доступных источников — архивных документов, справочной литературы, каталогов. Обратим внимание на первый пункт. Так как музей-

ный предмет является подлинником, то для его анализа могут быть использованы приемы, разработанные историческим источниковедением. К таким приемам относятся: анализ признаков предмета, таких как надписи, изображения, украшения, стилистические особенности, материал, сравнительный анализ предметов¹. Применительно к этнографическим коллекциям музеев важнейшим источником информации о предмете становится его орнамент. Надписи на глиняной посуде, деревянной утвари и тканях, как правило, редки и лаконичны, а вот орнаменты, наоборот, богаты и многослойны. Каждый элемент в сложной структуре орнамента несет определенный смысл, который может помочь раскрыть функции предмета и, таким образом, более полно оценить его культурно-историческое значение.

С точки зрения исследователей, орнамент на работах народных мастеров имеет несколько важных особенностей. Первая заключается в том, что он отражает представления наших предков о картине мира, о его устройстве. Безусловно, как и любое явление, орнамент не статичен, он развивался и менялся под влиянием времени. Л. С. Токсубаева в предисловии к работе «Русское народное искусство Казанского Поволжья XIX–XX веков: деревянная домовая резьба, вышивка, бранное ткачество, кружево» писала: «Образы и сюжеты, лежащие в основе народного искусства, уходят своими корнями в такие глубины времени, когда система мирозерцания человека лишь начинала формироваться. Именно народное искусство закрепило и пронесло через тысячелетия образ, картину мира, присущую конкретному народу. Однако эту картину нельзя считать застывшей в веках. Напротив, народное искусство — живой организм, впитывающий в себя реалии времени. Каждая эпоха, этапы этнической истории, взаимодействие с другими народами запечатлеваются в нем, образуя сложную многослойную систему символов — орнамент»². Вторая особенность орнамента — его универсальность: переходя с предмета на предмет, он не меняет своего смысла. Это позволяет проводить сравнительный анализ этнографических предметов, выявляя всё новые закономерности. Третья особенность — это механизм сохранения орнамента, выражающийся в преемственности народного искусства. В предисловии к альбому предметов из коллекции Музея народного искусства прекрасно выражена эта идея: «Преемственность, характерная для народного искусства, идет из глубины веков, показывает существенную связь с художественной культурой Древней Руси даже во многих предметах, исполненных в самое последнее время, не говоря уже о творчестве народных мастеров прошлого»³. Особенно важно для мастера или мастерицы было в точности воспроизвести орнамент на обрядовых предметах, будь то рушник или кисельница. С таким подходом согласны, например, исследователи бранного ткачества из Русского музея: «Магический смысл геометрического орнамента постепенно изменялся. Орнамент обогащался новыми мотивами, но по-прежнему сохранял и древние традиционные элементы. Поэтому так трудно сегодня ответить на вопрос о том, как долго хранил он свой древний смысл и когда его утратил. Археологи, искусствоведы, этнографы, историки, исследующие этот сложный вопрос, пришли к выводу, что память о древних обрядах и верованиях сохранялась в народе и в XIX веке. А дольше всего семантический смысл удерживался в обрядовых предметах, хотя

¹ Левыкин, Хербст (ред.), 1988. С. 57.

² Токсубаева, 2014. С. 3.

³ Попова, 1972. С. 5.

и в сильно измененном виде»⁴. Естественно, что связь орнамента с обрядом очень тесная. В. М. Привалова в статье «Семантика орнамента в семиотике культуры (антропологическая проекция ритуала в геометрическом орнаменте)» приходит к выводу, что ритуал «как ускоренность бытия» реализуется в орнаментальной традиции культуры посредством символов⁵. Она так раскрывает свойства орнамента: «...в орнаменте одновременно: 1) уточняется и расширяется наше представление о его роли на вещи, а может быть, его исполнителя, в прошлом (это первое его измерение); 2) проходит самопрезентация знаков в орнаментальной культуре, где знаки конвенциональны, так же как их общечеловеческое содержание, а также когнитивная роль знаков, этнический и эстетический компоненты в настоящем (это второе измерение орнамента); 3) и, одновременно (третье измерение орнаментальной культуры), — орнамент транслируется в будущее, олицетворяя традицию действия символа в ритуале»⁶.

Итак, обобщая все вышесказанное, можно отметить, что для понимания смысла орнамента на предметах из этнографических коллекций музеев необходимо использовать знания о языческих славянских верованиях и быте Древней Руси. Также можно широко применять сравнительный метод, работая с данными по символике резьбы, вышивки и ткачества: необходимо понять значение символов орнамента, чтобы глубже проникнуть в сущность ритуала.

Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (НГИИМЗ) располагает большой этнографической коллекцией. Среди предметов из глины наиболее богаты орнаментами кисельницы. Так как эта посуда предназначалась для приготовления ритуального блюда — киселя, народные мастера украшали ее самыми архаичными сюжетами, чтобы не нарушить сущность обряда, чтобы он дал желаемый результат, ведь орнамент должен был перейти с формы на готовое кушанье и тем самым передать ему свои сакральные свойства. То же самое происходило и с пряничными досками, поэтому аналоги орнаментов будут подобраны именно на них. Повторение одних и тех же символов в разных вариантах ритуальной посуды связано с тем, что знаки конвенциональны, то есть люди заранее договорились об их значении, и каждый мастер, будь то гончар или резчик по дереву, и каждая хозяйка, пользующаяся кисельницей, понимали их одинаково. Для данного исследования было выбрано восемь кисельниц, все они датируются XIX — началом XX в. Их орнаменты попытаемся проанализировать, основываясь на результатах исследований специалистов по славянскому язычеству, в том числе на работах академика Бориса Александровича Рыбакова. Опираясь на широкий материал, он наглядно продемонстрировал, что орнамент на любых бытовых предметах и деталях домовой архитектуры был призван в первую очередь защищать человека от злых сил.

Самым универсальным защитным орнаментом для наших предков был солярный символ: «...основным способом борьбы с упырями и навьями являлось противопоставление миру зла (или точнее злу мира) всего макрокосма с показом земли и обходящего ее со всех сторон доброго светила-солнца, искореняющего и нейтра-

⁴ Богуславская, 1981. С. 169.

⁵ Привалова, 2010. С. 283.

⁶ Там же. С. 283.

Рис. 1. Кисельница. Кон. XIX — нач. XX в. Из коллекции НГИАМЗ (ГОМ-17393/3). Фото М. П. Грачевой

Рис. 2. Кисельница. XIX в. Из коллекции НГИАМЗ (ГОМ-8361). Фото М. П. Грачевой

лизующего злое начало»⁷. В собрании НГИАМЗ присутствует кисельница с пятью солнечными символами: один крупный в центре и четыре по углам вокруг него, между ними элементы растительного орнамента — цветы и листья (рис. 1).

Б. А. Рыбаков писал о подобных изображениях: «На некоторых полотенцах изображался, как на прялках, весь суточный ход солнца: наверху три дневных позиции солнца (утро, полдень и вечер), внизу две позиции ночного подземного солнца, а в центре огромный лучистый круг, символизирующий “белый свет”, вселенную, сияющую, по мнению русских людей XII–XIII вв., “неосыжаемым и неисповедимым светом”»⁸. Используя эту аналогию, можно предположить, что четыре маленьких солнца — это и есть его ход, включая ночное время, а центральный круг — это белый свет. Данный предмет был приобретен музеем у жительницы г. Лыскова во второй половине XX в. По какому поводу мог подаваться кисель с таким орнаментом? Однозначного ответа на этот вопрос нет, ведь кисель был обрядовым блюдом преимущественно поминального и жертвенного характера⁹; кроме этого, «на свадебном столе среди угощений также встречается кисель (ср. выражение “толкут на кисель”, относящееся к пляскам после свадебного угощения)»¹⁰. В любой из перечисленных ситуаций кисель с солярными символами мог быть использован. Но существует ряд предметов, которые, вероятно, связаны с конкретными обрядами. Перейдем к их рассмотрению.

Интересны кисельницы с цифрами «1850». В коллекции музея их две, они практически идентичны, отличие лишь в оттенке поливы: в одном случае она темнее, в другом — светлее. К сожалению, точных сведений о происхождении и бытовании этих предметов нет. Первая приобретена музеем у жителя г. Горького в 1971 г., вторая (рис. 2) — из старых поступлений до 1924 г. Самое простое предположение заключается в том, что цифры «1850» — это дата, причем в зеркальном отображении, чтобы она правильно получилась на готовом киселе. Слева от даты мы видим изображение солнца — круг с отходящими от него лучами, справа — крест, ассоциировавшийся у наших предков с огнем. Дата, солнце и крест заключены в еще один круг с лучами, который окружает ромбическая сетка. Ромб традиционно сим-

⁷ Рыбаков, 2016. С. 533.

⁸ Там же. С. 504.

⁹ Толстой (ред.), 1999. С. 496.

¹⁰ Там же. С. 497.

волизировал плодородие и часто изображался на вещах, связанных со свадьбой. Вот пример изделия бранного ткачества: «Раскрывая символику древних мотивов, исследователи предположили, что существовала связь между изображением Великой Богини Жизни и ромбическими фигурами. Иногда изображение головы Великой Богини заменял простой ромб или ромб с отростками, что и привело ученых к мысли о соединении символики женского начала с символом плодородия. Поэтому, принимая во внимание особую продуктивность и значительность сюжетной композиции, тонкость разработки цветовых отношений, можно предположить, что этот конец мастерица выткала для свадебного полотенца. Исполненные на нем древние мотивы могли, вероятно, иметь символическое значение пожелания невесте и жениху счастья, добра, благополучия, увеличения потомства»¹¹. Б. А. Рыбаков писал, что ромб «широко представлен в этнографическом материале, преимущественно в узорах свадебной одежды невесты, что еще раз свидетельствует о связи с идеей плодородия»¹². Черту под этими рассуждениями подведем сравнением нашего орнамента с вышивкой, где присутствуют все элементы, что есть на глине: «Возможно, не случайно размещение в русской вышивке рядом ромба и креста, ромба и розетки, что в далеком прошлом связывалось с символикой соединения женского и мужского начал»¹³.

Итак, скорее всего, перед нами свадебные кисельницы. Загадкой остается дата. Возможно, это веяние времени и предмет был заказан специально к этому событию. Встречаются кисельницы с инициалами на дне, и это скорее не клеймо, а первые буквы имени владельца¹⁴. Почему же нельзя было заказать кисельницу с датой? Безусловно, это лишь предположение о сочетании архаичного орнамента с модными веяниями своей эпохи.

К свадебным примыкают и кисельницы в форме сердца. Связь сердца с темой любви и брака сохранилась до наших дней. В коллекции музея находятся две практически идентичные кисельницы, отличающиеся лишь оттенком поливы: в первом случае более желтоватой, в другом — красноватой (рис. 3). Первая была приобретена у жительницы г. Лыскова в 1969 г., а вторая — у Лидии Васильевны Петровой из г. Чкаловска в 1987 г. Лидия Васильевна была сестрой известного нижегородского исследователя традиционного народного искусства, автора книги «Художественные промысла Горьковской области» Дмитрия Васильевича Прокопьева. Орнаментация внутри обеих кисельниц следующая: в центре схематическое изображение растения, возможно, древа жизни, его окружают завитки и точки. Древо — символ благоустройства и порядка у славян. Дополнительные завитки внизу ассоциируются с корнями древа, которые крепко привязывают его к земле, а верхние завитки — это

Рис. 3. Кисельница. Нач. XX вв. Из коллекции НГИАМЗ (ГОМ-23821/2). Фото М. П. Грачевой

¹¹ Богуславская (ред.), 1981. С. 174.

¹² Рыбаков, 2016. С. 502.

¹³ Маслова, 1978. С. 155.

¹⁴ Трусова, 2016. С. 104.

ветви, простирающиеся в небеса. Точки вдоль ствола дерева и у его корней, скорее всего, семена. Но, чтобы расти и плодоносить, дереву необходимы вода и солнечный свет. Можно предположить, опираясь на исследования домовой резьбы академика Б. А. Рыбакова, что завитки и точки символизируют воду: «Этнография дает нам устойчивое и широко распространенное изображение небесных хлябей верхнего неба на причелинах домовых кровель. Самым частым является волнистый орнамент или узор из городков, которые на расстоянии воспринимаются как волны. Обычно волны “избяного” небосвода идут в два-три ряда, как бы подчеркивая глубинность хлябей. Очень часто наряду с волнистыми линиями изображаются небольшие кружки, очевидно, символизирующие дождевые капли, те “груды”, которые, по мнению язычников, веривших в Рода, являлись причиной жизни на земле как эманация божественной оплодотворяющей силы»¹⁵. «Часто встречается (притом в разных отдаленных местах) сочетание в одном ряду полукругов-грудей с кружком посередине и коротких зигзагов между ними. Здесь, очевидно, зубчики между полукругами можно толковать как добавление идеограммы воды к изображению туч-грудей»¹⁶. Однако сверху по бокам есть еще изображение пяти вертикальных линий под одной горизонтальной. Это изображение также может быть связано с водой, с потоками дождя. Но вряд ли вода может быть обозначена дважды разными символами в рамках одного предмета. Как же тогда интерпретировать изображение завитков с точками? Они могут быть и солярными знаками — живительными солнечными лучами. На пряничной доске для свадебного пряника из коллекции нашего музея (рис. 4) можно видеть сходное изображение. Там вырезана пара сердец, концами наложенных друг на друга, а на образовавшемся общем месте изображен солярный символ — круг с четырьмя завитками с маленькими треугольниками в центре.

В собрании НГИАМЗ есть еще две очень интересные кисельницы с изображением обитателей водной стихии — рака и рыбы. Исследователи трактуют их символику у славян двояко: просматривается связь и со свадебным, и с поминальным обрядами. Разберем подробнее.

Сам по себе кисель широко известен именно как поминальное блюдо. Г. Б. Сафонова, сотрудник Калужского областного краеведческого музея, в своей статье «Традиционная обрядовая керамика Верхней Оки» писала, что кисельница, как и кануннички (маленькие кувшинчики с медом), предназначалась для цикла обрядов, связанных с культом предков. Она также сообщает, что в ходе поминальной трапезы в Калужской и Тульской областях подавали мед в стеклянных стаканчиках, которые заменили в 1910-е гг. керамические кануннички, и он носил название «канун». Напиток из этого меда, разведенного водой, назывался «сыта» и подавался в течение всех установленных православной церковью годовых поминальных дней¹⁷. А вместе с сытой подавался и кисель, упоминание об этом встречается у А. Терещенко в книге «Быт русского народа»: «Дмитриевская суббота, одна из важнейших поминальных. В это время поминающие приготавливают угощение — кутья, кисель с сытою и молоком, пироги, блины, коржи, кныши, резки или лепешки, пиво и водка суть неперменные принадлежности при поминании»¹⁸. Таким об-

¹⁵ Рыбаков, 2016. С. 495–496.

¹⁶ Там же. С. 499.

¹⁷ Сафонова, 2009. С. 139.

¹⁸ Терещенко, 1848. С. 129.

Рис. 4. Пряничная доска. XIX в. Из коллекции НГИАМЗ (ГОМ-8073/3). Фото Ю. А. Хайрулиной

Рис. 5. Кисельница. Кон. XIX — нач. XX в. Из коллекции НГИАМЗ (ГОМ-17393/1). Фото М. П. Грачевой

разом, связь кисельниц с поминальным обрядом устанавливается и через кушанья, и через посуду, в которой они приготавливались. В словаре «Славянские древности» читаем такую характеристику с пометкой «нижегород.»: «Употреблением киселя как поминального блюда мотивировано поверье, что кисель, сваренный на именины, предвещает смерть именинника в тот же год»¹⁹. Почему на кисельницах для поминального обряда могли быть изображены водные обитатели? Б. А. Рыбаков писал: «Гелиоцентрические представления о дневном пути солнца по небу на конях (или на лебедях) и о ночном пути по подземному океану на водоплавающих птицах возникли, как можно думать, еще в бронзовом веке, когда на сосудах для умерших, ушедших в подземный, ночной мир, внизу на днище изображалось ночное, подземное солнце»²⁰. Эта цитата показывает издревле закрепившееся представление о подземном мире как о водной стихии, а в ней живут как раз рыбы и раки, именно поэтому их можно связывать с изображениями на кисельницах, предназначенных для приготовления поминальных блюд. Вообще вода у славян — «среда обитания нечистой силы и душ умерших»²¹.

Рассмотрим кисельницу с изображением рака (рис. 5). Изображение достаточно четкое и натуралистичное, без лишних деталей. Предмет приобретен у жительницы г. Лысково в советское время. Интересно, что предметы с почти идентичными изображениями довольно распространены. Автору удалось найти несколько образцов: в школьном музее в с. Работки Кстовского района Нижегородской области, в экспозиции Музея декоративно-прикладного искусства в Москве и в путеводителе «Народное искусство Белозерья» Кирилло-Белозерского историко-архитектурного

¹⁹ Толстой (ред.), 1999. С. 496.

²⁰ Рыбаков, 2016. С. 491.

²¹ Толстой (ред.), 1995. С. 386.

Рис. 6. Пряничная доска. XIX в. Из коллекции НГИАМЗ (ГОМ-8073/19). Фото Ю. А. Хайруллиной

Рис. 7. Форма. До 1891 г. Из коллекции НГИАМЗ (ГОМ-14838/5). Фото Ю. А. Хайруллиной

и художественного музея-заповедника²². В последнем кисельнице относятся к большой группе глиняной посуды, которую называют латками: «Существовали латки особой формы для ритуальных блюд: овсяного киселя и студня. На дне их обычно отпечатывали изображение рака или рыбы»²³. Г. Б. Сафонова в указанной выше статье пишет, что кисельницы с фигурками рака и рыбы были известны в Петербургской и Костромской губерниях²⁴. В других вариантах изображение этого животного встречается на пряничной доске (рис. 6) и металлической форме (рис. 7). Последняя поступила в НГИАМЗ в 1960 г. от жительницы г. Выксы. Изготовлена она до 1891 г. на Сноведском железодельном заводе в с. Сноведь Ардатовского уезда. В этом уезде были свои гончарные производства²⁵, так что орнамент мог переноситься с глиняного предмета на металлический, тем более что их формы почти одинаковы.

Кроме этого, рак — животное, наделяемое в народных представлениях мужской символикой: «В белорусских и украинских свадебных песнях рак символизирует жениха»²⁶. Так что кисель с его изображением мог подаваться и на свадьбах.

На следующей кисельнице (рис. 8) мы видим рыбу, окруженную четырьмя изображениями солнца: одно большое и три маленьких.

Начнем с рыбы. Она наделяется в славянской мифологии амбивалентной символикой и функциями, связанными как с рождением, так и со смертью: «Немота как признак мира мертвых играет существенную роль в представлении о рыбах как

²² Петрова, 2005. С. 17.

²³ Там же. С. 16.

²⁴ Сафонова, 2009. С. 140.

²⁵ Гусарова, Шмелев, 2019.

²⁶ Толстой (ред.), 2009. С. 400.

Рис. 8. Кисельница. XIX в. Из коллекции НГИАМЗ (ГОМ-17633). Фото М. П. Грачевой

Рис. 9. Пряничная доска. XIX в. Из коллекции НГИАМЗ (ГОМ-8073/57). Фото Ю. А. Хайруллиной

о душах — не только душах умерших, но и душах детей, еще не появившихся на свет»²⁷. Сама рыба часто использовалась в качестве поминального блюда²⁸. Что касается солярных символов, то, как уже упоминалось, Б. А. Рыбаков подробно разобрал методику их расположения на домовой резьбе. Он пришел к выводу, что три солнца символизируют положение этого светила на рассвете, в зените и на закате. Большое солнце — это изображение «белого света». Если кисельница связана с поминальным обрядом, то эти солярные символы показывают, что солнце оберегало умершего в земной жизни и будет оберегать и в подземном мире.

С другой стороны, в русских свадебных песнях рыба, пойманная в сети, символизирует невесту, а жених изображается рыбаком²⁹. Какая на кисельнице изображена рыба? Характерное исполнение спинки дает возможность предположить, что перед нами стерлядь. Она, безусловно, была знакома жителям Нижегородского края, так как в изобилии водилась в Волге. По одной из легенд, записанных в Васильсурске, стерляжий царь живет в реке Суре, которая как раз впадает в Волгу в этом районе. Живет стерляжий царь вместе с женой — водяной русалкой. Вот как описана их семейная жизнь: «В ясные лунные ночи выходит она на песчаный берег, садится на камень и золотым гребнем свои зеленые, как тина, волосы расчесывает. С ней и сударь-то — стерляжий царь — выплывает. Он и тут, знай свое, ершится, хвостом по воде похлопывает да о белу ногу ее трется»³⁰. Здесь стерлядь олицетворяет мужское начало, а легенда опосредованно связывает ее с темой семейной жизни. Таким образом, можно предположить, что кисель с изображением рыбы мог быть и свадебным блюдом.

Наша кисельница с рыбой не одинока: почти идентичный предмет хранится в собрании МБУК «Государственный литературно-мемориальный музей Н. А. Добролюбова» в Нижнем Новгороде, а техника исполнения рыбы на обеих кисельницах очень напоминает технику на пряничной доске (рис. 9).

²⁷ Там же. С. 505.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 506.

³⁰ Морохин (сост.), 1971. С. 155–157.

Рис. 10. Кисельница. XIX в. Из коллекции НГИАМЗ (ГОМ-6438/3). Фото М. П. Грачевой

Одна из самых загадочных кисельниц в коллекции — это предмет с изображением обнаженной женщины с подчеркнутой грудью и длинными волосами, занятой какой-то работой (рис. 10).

Изучив аналоги, можно предположить, что это изображение Макоши за прядением. Академик Б. А. Рыбаков писал: «Все женские работы, связанные со льном, пряжей и ткачеством, находились под покровительством древней богини Макоши. Ко времени этнографических записей ее первоначальные аграрные функции... сильно сократились, и она стала на русском Севере по преимуществу покровительницей женских работ, суровой повелительницей прядения»³¹. Льноводство было широко распространено и в Нижегородской губернии. На изучаемой кисельнице видно характерное

положение рук прядильщицы, рельефные линии напоминают нити, накручивающиеся на веретено. Справа от головы женщины виден солярный символ. Б. А. Рыбаков писал, что валец — другая домашняя утварь — это форма изображения Макоши, и «верхнее закругление рукоятки (“голова”) обычно украшено солнечной розеткой»³². Конечно, открытым остается вопрос о четкой прорисовке грудей на изображении, но возможно допустить, что это отголоски именно аграрных функций данного божества, так как изображение грудей связано с небесной водой и дождем³³, без которых невозможно получить хороший урожай, в том числе и льна. Остается и еще один вопрос: к какому событию мог готовиться кисель с таким орнаментом? «Народный календарь очень внимателен к Макоши-Пятнице — ей посвящено 12 праздников в году, из которых самыми главными являлись две соседние пятницы (в промежутке между 25 октября и 7 ноября); кульминацией этой праздничной недели, отмечавшей окончание тяжелых трудов по обработке льна, был день Кузьмы и Демьяна (1 ноября), после которого начинались веселые месяцы прядения пряжи на посиделках. “Кузьминки” — жизнерадостный праздник, организуемый девушками, приглашавшими на пир (куры и каша) и парней»³⁴. На празднике вполне мог подаваться и кисель.

В исследовании автор старался установить наличие подобных предметов в других музеях Нижегородской области и вообще на территории России. Итак, кисельниц с идентичными орнаментами и очень близкими размерами в форме сердца и с цифрами «1850» по две в коллекции НГИАМЗ, но из разных поступлений, также на данный момент известны две кисельницы с рыбой и целых четыре — с раком. Сам факт наличия нескольких экземпляров доказывает, что повторение форм и орнаментации — это сложившаяся традиция использования данной системы символов для определенных обрядов. Пока не найдены аналоги кисельнице с солярными символами и с изображением женщины, но поиск продолжается. Кроме этого, у всех рассмотренных кисельниц вне зависимости от формы есть и нечто общее —

³¹ Рыбаков, 2016. С. 529.

³² Там же. С. 530.

³³ Там же. С. 497.

³⁴ Там же С. 529.

их борта всегда разработаны рельефными ребрами. Что это означает? Скорее всего, это тоже связано с солнцем как универсальным оберегом, с его лучами, обогревающими и дающими свет и жизнь.

Итак, в данной статье были рассмотрены орнаменты на восьми кисельницах из собрания НГИИМЗ. На основании языческих представлений восточных славян, выраженных в элементах орнамента, были сделаны предположения о его смысловом наполнении и о том, по каким поводам он мог использоваться. Эти данные более полно раскрывают культурно-историческое значение кисельниц. За этим понятием скрываются не только научная, но и художественная, и коммуникативная ценность. Расшифровка орнамента, понимание заложенного в нем смысла, открывает новые возможности для использования предмета на выставках и в экспозициях. Кисельница может выступать не только как образец работы гончара или часть бытовой утвари крестьянского дома — она может транслировать информацию о картине мира наших предков, их верованиях, отголоски которых до сих пор встречаются в повседневной жизни.

Литература

- Богуславская И. Я. (ред.). 1981. *Добрых рук мастерство: произведения народного искусства в собрании Государственного Русского музея*. Л.: Искусство.
- Гусарова Т., Шмелев Е. 2019. *Гончарные промыслы Нижегородчины*. URL: <http://opentextnn.ru/museum/ethnological-museum/promysly-i-remesla/gusarova-t-shmelev-e-goncharnye-promysly-nizhegorodchiny> (дата обращения: 09.02.2022)
- Левыкин К. Г., Хербст В. (ред.). 1988. *Музееведение. Музеи исторического профиля: учебное пособие для вузов по специальности «История»*. М.: Высшая школа.
- Маслова Г. С. 1978. *Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник*. М.: Наука.
- Морохин В. Н. (сост.). 1971. *Нижегородские предания и легенды*. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во.
- Петрова Л. Л. 2005. *Народное искусство Белозерья: путеводитель*. М.: Северный паломник.
- Попова О. С. 1972. *Русское народное искусство*. М.: Легкая индустрия.
- Привалова В. М. 2010. Семантика орнамента в семиотике культуры (антропологическая проекция ритуала в геометрическом орнаменте). *Известия Самарского научного центра Российской академии наук* 12 (5): 277–283.
- Рыбаков Б. А. 2016. *Язычество Древней Руси*. М.: Академический проект.
- Сафонова Г. Б. 2009. Традиционная обрядовая керамика Верхней Оки. *Верхнее Подонье: Археология. История*. Сб. науч. ст. Тула: Гос. воен.-ист. и природ. музей-заповедник «Куликово поле». С. 130–140.
- Терещенко А. 1848. *Быт русского народа*. Ч. 3. СПб.: Типография военно-учебных заведений.
- Токсубаева Л. С. 2014. *Русское народное искусство Казанского Поволжья XIX–XX веков: деревянная домовая резьба, вышивка, бранное ткачество, кружево*. Казань: Центр инновационных технологий.
- Толстой Н. И. (ред.) 1995. *Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 томах*. Т. 1. М.: Международные отношения.
- Толстой Н. И. (ред.) 1999. *Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 томах*. Т. 2. М.: Международные отношения.
- Толстой Н. И. (ред.) 2009. *Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 томах*. Т. 4. М.: Международные отношения.
- Трусова М. П. 2016. Глиняные кисельницы села Богородского конца XIX — начала XX века в собрании Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. *Вопросы музеологии* 2 (14): 100–107.

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2022 г.;
рекомендована к печати 25 марта 2022 г.

Контактная информация:

Грачева Мария Петровна — ученый секретарь; trusovamariya@yandex.ru

Experience of studying ornaments on kiselnitsa from the collection of the Nizhny Novgorod State Reserve Museum of History and Architecture

M. P. Gracheva

Nizhny Novgorod State Reserve Museum of History and Architecture,
7, Verhne-Volgskaya nab., Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation

For citation: Gracheva M. P. 2022. Experience of studying ornaments on kiselnitsa from the collection of the Nizhny Novgorod State Reserve Museum of History and Architecture. *The Issues of Museology* 13 (1): 97–109. <https://doi.org/10.21638/spbu27.2022.107> (In Russian)

The article presents the experience of studying one of the types of peasant pottery — kiselnitsa. In the collection of Nizhny Novgorod Museum-Reserve there are kiselnitsy of the 19th — early 20th centuries with relief ornaments that were imprinted on the kisel. This ritual dish was served in the Nizhny Novgorod Region at commemorations and weddings, so the kiselnitsa's ornament is of particular importance. Researchers from different fields study ornament as an anthropological and cultural-historical phenomenon and come to the conclusion that it can indicate both the belonging of an object to a certain ritual and demonstrate a universal sign system adopted in a particular society. This is especially true for ethnographic objects. Numerous works on ornaments on traditional Russian embroidery and wood carving have already been written, but clay is little explored in this regard. However, kiselnitsy provide ample opportunities, since the ornaments on them are very diverse: geometric, vegetable, zoomorphic. The author examined eight objects with different ornamentation, divided the ornaments into types, and through universal signs characteristic of Slavic paganism as well as displayed in other types of Russian crafts, tried to reveal the meaning of the ornament and its belonging to a particular ritual. Only such an in-depth study of the object will allow us to better understand its cultural and historical significance and thereby expand its exposition possibilities in the museum. Communication with the object will be built in a new way: kiselnitsy can broadcast information not only about life, crafts and aesthetics of our ancestors, but about their ideas about the world and the rituals, traces of which are found in modern society.

Keywords: clay dishes, kiselnitsa, ornament, Nizhny Novgorod Museum-Reserve.

References

- Boguslavskaya I. Ia. (ed.). 1981. *Craftsmanship: works of folk art in the collection of the State Russian Museum*. Leningrad: Iskustvo Publ. (In Russian)
- Gusarova T., Shmelev E. *Pottery crafts of Nizhny Novgorod*. URL: <http://opentextnn.ru/museum/ethnological-museum/promysly-i-remesla/gusarova-t-shmelev-e-goncharnye-promysly-nizhegorodchiny> (accessed: 09.02.2022). (In Russian)
- Levykin K. G., Kherbst V. (ed.). 1988. *Museology. Museums of historical profile: an educational aid for "History" specialty universities*. Moscow: Vysshaia shkola Publ. (In Russian)
- Maslova G. S. 1978. *The ornament of Russian folk embroidery as a historical and ethnographic source*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Morokhin V. N. (ed.). 1971. *Nizhny Novgorod tales and legends*. Gorky: Volgo-Viatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. (In Russian)
- Petrova L. L. 2005. *Folk art of Belozerye: a guide*. Moscow: Severnyi palomnik Publ. (In Russian)
- Popova O. S. 1972. *Russian folk art*. Moscow: Legkaia industriia Publ. (In Russian)
- Privalova V. M. 2010. Semantics of ornament in the semiotics of culture (anthropological projection of ritual in geometric ornament). *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* 12 (5): 277–283. (In Russian)
- Rybakov B. A. 2016. *Paganism of Ancient Russia*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Safonova G. B. 2009. Traditional ceremonial ceramics of the Upper Oka. *Upper Don: Archeology. History*. Sbornik nauchnykh statei Tula: Gosudarstvennyi voenno-istoricheskii i prirodnyi muzei-zapovednik "Kulikovo pole". P. 130–140. (In Russian)

- Tereshchenko A. 1848. *Household life of Russian folk*. Ch. 3. St Petersburg: Tipografia voenno-uchebnykh zavedenii. (In Russian)
- Toksubaeva L. S. 2014. *Russian folk art of the Kazan Volga region of the XIX–XX centuries: wooden house carving, embroidery, textile weaving, lace*. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologii Publ. (In Russian)
- Tolstoi N. I. (ed.). 1995. *Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary* in 5 vols. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Tolstoi N. I. (ed.). 1999. *Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary* in 5 vols. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Tolstoi N. I. (ed.). 2009. *Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary* in 5 vols. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Trusova M. P. 2016. Clay kiselnii of the Bogorodskoe village of the late 19th and early 20th century in the collection of the Nizhny Novgorod State History and Architecture Museum-Reserve. *Voprosy muzeologii* 2 (14): 100–107. (In Russian)

Received: February 14, 2022

Accepted: March 25, 2022

Author's information:

Maria P. Gracheva — Scientific Secretary; trusovamariya@yandex.ru